

Внимание читателей предлагаются воспоминания современниц – известных архивистов. Любовь Иосифовна Буслова, главный специалист отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов и комплектования Российского государственного архива Военно-морского флота посвятила их одному из важнейших направлений, на котором она трудится уже 50 лет. Ее воспоминания отражают глубокое понимание значимости работы хранителей по сбережению документального наследия в непростых условиях, в непригодных зданиях, что было типичным для архивов послевоенного времени. Это «ода» любви к своему архиву, к его документам, к коллегам.

Наталья Борисовна Волкова, отдавшая служению Российскому государственному архиву литературы и искусства 45 лет, из них 38, с 1963 по 2001 г., на посту его директора, рассказывает о своей жизни в контексте истории страны, о выборе профессии.

Подобные документальные свидетельства – неоценимый вклад в сохранение истории архивного дела.

УДК 930.25+093

Л.И. Буслова

«Хранитель архивных документов – профессия благородная» Воспоминания из истории РГАВМФ

Ключевые слова: воспоминания, хранитель фондов, обеспечение сохранности документов, «дворцовый» архив, Российский государственный архив Военно-морского флота.

Быстро и неумолимо бежит время. 28 января 2019 г. Российскому государственному архиву Военно-морского флота исполнилось 295 лет. Много воды утекло с момента его учреждения, сменилось несколько исторических эпох, вырос и обогатился хранящийся в нем комплекс архивных документов. За это время документы не раз сменили место хранения. Может быть, стоит напомнить об одном из архивохранилищ, в котором дореволюционные фонды архива нашли пристанище более чем на пятьдесят лет. Ведь нынешним сотрудникам архива об этом почти ничего неизвестно. А заодно напомнить и о тех временах, людях и обстоятельствах, от которых зависело само существование архивных документов.

Что такое «дворцовый» архив?

Это уникальное сооружение, с которым так или иначе связано около четырех десятков лет из пятидесятилетней моей архивной жизни, было расположено почти на Дворцовой площади, в глубине дворов здания Главного штаба. А впервые мне довелось с ним встретиться летом далекого 1969 г. Тогда я перешла на третий курс вечернего отделения исторического факультета ЛГУ и искала работу в соответствии с будущей специальностью. По совету сокурсников, которые уже работали в военно-морском архиве (тогда он назывался ЦГАВМФ СССР), туда и обратилась. Меня приняли в отдел обеспечения сохранности документов архивно-техническим сотрудником в архивохранилище дореволюционных фондов. А находилось оно в помещении, расположенном на Дворцовой площади в одном из зданий, относящихся к Штабу Ленинградского (ныне Западного) военного округа. Меня туда сопроводил кто-то из сотрудников, так как найти это помещение самостоятельно было бы сложно. По Миллионной мы вышли на Дворцовую площадь, прошли мимо Александрийского столпа, держа курс на огромные массивные ворота, расположенные правее арки Главного штаба. В них обнаружилась маленькая дверь, а за ней меня ждал приятный сюрприз: идеально круглый двор, образованный внутренним фасадом трехэтажного здания. Такие круглые дворы в городе редкость, а этот к тому же был прекрасен своими пропорциями. Налюбовавшись им, через низкую арку мы прошли в еще один небольшой узенький дворик и оказались у цели: прямо перед нами был украшенный скромными архитектурными деталями фасад трехэтажного здания, в котором и размещался так называемый дворцовый архив. В ту минуту я, конечно, и подумать не могла, что моя связь с этим зданием окажется такой долгой и крепкой, но первое впечатление хорошо помню. Войдя внутрь, я увидела старинные массивные металлические ворота с огромным амбарным замком. Одна из створок была открыта, через нее был проход в само хранилище. Милицейской охраны этого объекта в те времена не было, а сидела вахтерша – девушка-инвалид, пропуск она не потребовала. И вот я переступила порог и вошла в хранилище. Внутри все оказалось очень необычно и таинственно: металлический пол, множество железных дверей, металлическая лестница-трап, ведущая куда-то вверх. Только поднявшись на третий этаж, сверху я смогла оценить гигантские размеры самого хранилища. Оно было похоже на огромную пещеру, поскольку

Л.И. Буслова. 1975 г.

А

стены, потолок, стеллажи едва виднелись во мраке: так там было темно, хотя горели лампочки. Меня поразило устройство самого хранилища.

Это сооружение заслуживает исключительного внимания как первое в России, а, возможно, и в Европе, специально спроектированное под архив. Но это я узнала много позже. Со всеми особенностями хранилища знакомилась постепенно, в процессе работы, а вот его историю пришлось узнавать по крупицам. В те годы в краеведческой литературе не было подробного описания комплекса зданий Главного штаба, так как там размещался секретный военный объект – штаб округа, а литература дореволюционная тоже была не очень доступна. Оказалось, архитектором был сам знаменитый К.И. Росси¹. Еще в 1821 г. были выделены денежные средства для устройства «чугунного» архива в здании Главного штаба², и задачей Росси было создать архив с повышенными противопожарными свойствами, поэтому все элементы в нем были из чугуна. (Чугун и изделия из него изготовлены на Александровском пушечном заводе в Петрозаводске и Санкт-Петербургском чугунно-литейном заводе до 1829 г.) В этом «чугунном» архиве первоначально хранились архивные документы Инспекторского департамента Военного министерства, а потом и других учреждений этого ведомства. Попробую дать представление об устройстве хранилища, хотя даже тот, кто хорошо знаком с этим помещением, испытывает затруднения при попытке его описать.

Здание, имеющее форму вытянутого параллелепипеда, поделено на две части капитальной стеной, отделяющей небольшой объем от огромного пространства. Это огромное пространство и есть хранилище. А отделенная от него меньшая часть поделена на три этажа. На первом этаже «вестибюль» – небольшая комната с гардеробными вешалками и постом вахтера (вскоре был заменен на милицейский), из нее одна дверь вела к туалетам, рукомойнику, электрощиту и водораспределителю, а другая – в помещение для приема пищи. На втором и третьем этажах – по три большие рабочие комнаты с высокими потолками и большими окнами. Доступ к этим помещениям обеспечивает металлическая лестница, расположенная в другой части пространства, которое на этажи не разделено. Высоченный (около 17 м от пола) сводчатый потолок основного пространства состоит из восьми чугунных дуг, образующих арки. Потолок прорезан тремя огромными металлическими фрамугами, расчлененными на множество небольших стекол. Другого естественного освещения зала не предусматривалось. Дуги покоятся на 24 очень тонких и высоких чугунных готических колоннах, не лишенных изящества. Вдоль стен устроены две чугунные галереи (аппарели) с постепенным подъемом, причем одна галерея поднимается по часовой стрелке, другая – в противоположном направлении, встречаясь в каждом ярусе. Ширина одной галереи около 3,5 м. На галереях (аппарелях) установлены чугунные стеллажи с деревянными полками. Галерея, обращенная к центру помещения, ограничена чугунными решетками с перилами. У торцевых сторон зала чугунные настилы галерей более широкие и образуют площадки с горизонтальной поверхностью. Там тоже установлены стеллажи. На лестничных площадках на каждом ярусе по четыре легкие двери, ведущие в межстеллажные проходы к фондам. В дальнем торце зала в стенах огромной толщины есть углубления, образующие дополнительные объемы, также заполненные стеллажами. В середине зала между колоннами – пространство в форме эллипса, которое расположено несколько глубже

исходного уровня аппарелей. По первоначальному замыслу, видимо, планировалось оставить его свободным от стеллажей. Но в постреволюционное время из-за острой нехватки архивных помещений там установили очень высокие (через все ярусы) металлические стеллажи с деревянными полками. Деревянные же (увы!) настилы (решетки) разделяют стеллажи на ярусы. А еще были сделаны из дерева дополнительные переходы, лесенки и другие приспособления для создания короткого сообщения между ярусами и настилами, чтобы не всегда использовать длинный путь по аппарелям. В итоге всех этих преобразований архив перестал быть «чугунным» и безопасным, но уникальным оставался по-прежнему.

Помимо этого основного хранилища (номер 1) имелось еще одно, небольшое, расположенное в здании, примыкающем к основному. В нем на первом этаже работало типографское оборудование, на третьем располагалась типографская кладовая, где хранились краски, растворители, спирты, инструменты и т.д., а второй этаж был отдан в распоряжение нашего архива. Именно там было устроено хранилище № 2. В него вела дверь из нашей рабочей комнаты второго этажа российского здания. В помещении с высоким потолком были установлены деревянные стеллажи, разделенные настилом на два яруса. На верхний ярус вела деревянная лестница. А еще там существовала таинственная чугунная винтовая лестница, которая к этому времени никуда не вела, так как люк над ней был когда-то закрыт наглухо. Но наше воображение она будила. В этом хранилище были огромные окна во внутренний изолированный дворик, всегда закрытые тяжелыми деревянными ставнями, что создавало благоприятные условия хранения документов. В хранилище имелась еще одна дверь, выходящая в помещение типографии. Эта дверь служила запасным (аварийным) выходом для сотрудников архива. Изнутри она всегда была закрыта на ключ и опечатана специальной печатью. Ключ висел тут же, чтобы при необходимости быстро открыть проход в коридор типографии. Существовала договоренность с руководством типографии не загромождать с ее стороны подходы к двери. А нам приходилось контролировать целостность печати и проверять, свободны ли подходы к двери с нашей стороны и выход в сторону типографии: эта дверь являлась единственной гарантией нашего спасения при пожаре, если доступ к основному выходу окажется перекрытым.

С марта 1919 г. до 1956 г. в этом здании размещались архивные фонды Ленинградского филиала находившегося в Москве Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА СССР)³. В последующие годы, когда это помещение занял наш архив, в просторечье за ним сохранилось название «филиал», хоть и без всяких на то юридических оснований. Это пример того, как действуют топонимические законы. Документальные материалы ЦГАВМФ разместили в этом помещении в 1956–1958 гг., при этом само здание по-прежнему состояло на балансе Штаба Ленинградского военного округа, а архив вносил арендную плату и оплачивал коммунальные расходы. Общая площадь помещений более 2 тыс. кв. м, а погонаж в пересчете на односторонние стеллажи более 14 тыс. м. Почти все фонды, относящиеся к дореволюционному периоду, разместились в этом огромном хранилище. Только несколько десятков небольших по объему дореволюционных фондов были размещены в хранилищах главного здания архива на ул. Халтурина, 36 (сейчас Миллионная).

Размещение сотрудников и характерные условия труда в «дворцовом» архиве

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в рабочих комнатах «дворцового» архива располагались сотрудники нескольких отделов. На третьем этаже в трех комнатах работали трое-четверо сотрудников отдела публикации. Там стояли старинные кабинетные шкафы, а в них содержалось огромное богатство – советские и дореволюционные энциклопедии, другие справочные издания разных эпох, монографии, сборники документов и другая литература, нужная для работы по их подготовке. Впоследствии отдел был переведен на первый этаж административного корпуса на ул. Халтурина. Для нас, молодых сотрудников, это были «небожители», мы их почти не видели и не слышали, всегда там стояла мертвая тишина. На втором этаже тоже находились три комнаты: в одной – кабинет руководителей отдела обеспечения сохранности, в двух других – постоянные рабочие места хранителей фондов и архивно-технических сотрудников архивохранилища. Там же располагались рабочие места нескольких сотрудников отдела научно-справочного аппарата, работавших с дореволюционными фондами. Туда же приходили исследователи (читатели) для работы с большеформатными и графическими документами, поскольку те в целях обеспечения сохранности не доставлялись в основной читальный зал на ул. Халтурина. На двери рабочей комнаты на втором этаже висела табличка «Читальный зал», оставшаяся еще от филиала ЦГВИА, и стоял длинный-длинный стол, на котором было удобно работать с документами большого формата. Кроме того, из главного здания приходили просматривать дела и сотрудники, исполняющие запросы различного характера. Иногда в помещении бывало даже тесновато. Позднее отделу НСА выделили рабочие комнаты на третьем этаже «филиала».

В ходе конкретных работ происходило знакомство, а иногда и общение вновь поступивших молодых сотрудников с более опытными архивистами и исследователями, среди которых встречалось немало интересных, ярких личностей. Частенько они делились своим пониманием особенностей и ценности конкретного документа, с которым работали, рассказывали об архивных казусах, анекдотических случаях. Такие рабочие контакты помогали молодым сотрудникам осознать реальный смысл, важность и назначение архивной работы, быстрее освоиться в коллективе архива.

Среди сотрудников архивохранилища молодежи было немало. Практически все или уже учились на младших курсах, или намеревались поступать в вуз, еще искали свое место в жизни. Каждый год в отдел приходило несколько человек. Мало кто собирался задержаться в архиве надолго, даже те, кто учился на истфаке. В основном это были очень трогательные и симпатичные девушки и юноши. Вот к этим молодым хранителям я и присоединилась.

Работу нашу никак нельзя было назвать «непыльной». Из-за особенностей хранилища запыленность в нем была чудовищная, да и сами документы, просуществовавшие в неблагоприятных условиях сто–двести лет, были покрыты пылью. Конечно, в хранилище систематически велось обеспыливание стеллажей и коробок, но из-за объемов помещения оно не поспевало за распространением пыли.

Для работы нам выдавали сатиновые халаты и нарукавники, которые следовало стирать самим. Понятно, что у кого-то постоянное соприкосновение с грязными делами приводило к аллергии. Тогда приходилось переходить в главное здание или увольняться.

Как и в здании на улице Халтурина, температуру воздуха в помещениях регулировать было невозможно. В главном здании в какой-то степени удавалось менять температурные параметры отопления, а в «дворцовом» хранилище подача тепла от архива не зависела. Первоначально, т.е. в первой четверти XIX в., в рабочих помещениях архива были установлены круглые печи, которые топились дровами, для этого предусматривался истопник. Когда появилось водяное отопление (возможно, в начале XX в.), печи разобрали, на их месте остались полукруглые ниши, в которых оборудовали необычные полукруглые шкафы. В 1960-е – начале 1970-х гг. в «дворцовом» архиве было очень холодно. Отопление производилось котельной Штаба округа только с середины октября по конец апреля невзирая на погодные условия (экономили топливо). Да и сама раритетная отопительная система была не в состоянии обеспечить здание теплом. Поэтому осенью–зимой–весной температура в помещении, несмотря на большую толщину стен, часто не достигала 12–13 °С. Но несколько смягчало ситуацию то, что огромный бумажный массив, плотно размещенный, обладал немалой инерционной силой, и изменения параметров воздуха происходили очень медленно, постепенно, без резких перепадов. Так же и при подаче тепла. А вот сотрудники в полной мере страдали от холода (особенно при сидячей работе), часто простужались, болели, поэтому в 1960–1970-х гг. зимой выдавали валенки и ватники. Правда, некоторые виды работ в хранилище, требовавшие определенной физической нагрузки и активного движения, помогали немного согреться. Со временем отопительную систему в штабных зданиях реконструировали, при этом в хранилище стало несколько теплее. Но сами отопительные приборы (батареи и трубы) распределялись по хранилищу неравномерно, причем кое-где они почти вплотную примыкали к коробкам во вред документам. Рядом с батареями и трубами в отдельных местах бывало даже жарко. Одна из труб, которая подавала горячую воду в отопительную систему, пересекала проход между стеллажами на высоте около 70 см. После реконструкции она стала настолько горячей, что приходилось перешагивать через нее или даже перепрыгивать, зачастую получая легкий ожег. А в самих рабочих комнатах едва теплящиеся батареи не могли обеспечить теплом помещения с очень высокими потолками и старыми «щелястыми» рамами, и там по-прежнему с сентября по май было холодно и некомфортно.

Были другие неприятные для нас и угрожавшие сохранности архивных документов обстоятельства: в типографии функционировала столовая для своих сотрудников, а наличие пищи привлекало крыс. Время от времени их количество увеличивалось, они проникали и к нам в хранилище. Хотя эти неприятные существа предпочитали «столовскую пищу» нашим документам, все же их присутствие в хранилище ощущалось. Можно себе представить, какие душераздирающие вопли издавал человек, когда перед его носом вдруг пробежала по проходу огромная жирная крыса. Такие неожиданные встречи вызывали страх и желание избавиться от нахальных соседей. Борьба с ними велась активно: размещали ку-

А

лечки с отравленными злаками, ставили мышеловки, заделывали битым стеклом отверстия в полу и стенах и т.д. А чтобы не привлекать грызунов, еда и даже внос продуктов питания в хранилище и рабочие комнаты были запрещены. Все же откуда-то периодически появлялись милые и забавные маленькие серые мышки, которые для документов были гораздо опаснее крыс, так как для своих норок они выбирали деревянные (металлических еще не применяли) шкафы с выдвижными полками, там и жили, питаясь документами с остатками клея. Перемещались очень тихо и были незаметны; их присутствие выдавали только шорохи, попискивание да наличие следов жизнедеятельности в шкафах. Приходилось постоянно быть настороже: регулярно просматривать и мыть ящики и полки в шкафах, вынимать, перекладывать документы, менять упаковочную бумагу, ставить мышеловки. Не помогали и кошки: если какая-нибудь через приоткрытую дверь заскакивала в хранилище со двора, то теряла ориентацию, пугалась плотно заполненного пространства, в ужасе металась в поисках выхода. Тогда ее приманивали колбасой и помогали «выбраться на волю». Так что проблемы санитарно-гигиенического режима долго оставались для сотрудников архивохранилища актуальными.

Работать приходилось при недостаточном освещении. Потолки в рабочих комнатах «дворцового» архива очень высокие, а осветительные приборы маломощные, света давали мало. На рабочем месте помогала настольная лампа, а в хранилище всегда были потемки. Верхним естественным светом от световых потолочных фонарей можно было воспользоваться только на верхнем ярусе и лишь при солнечной погоде. Дело в том, что часть стекол была к этому времени разбита и заменена фанерками, да и вообще, свет не попадал в хранилище из-за покрывавших стекла фонарей грязи и пыли, а зимой еще и слоя снега. За несколько десятилетий пару раз делались попытки помыть или протереть световые фонари, заменить стекла. При отсутствии специально обученных людей и приспособлений это было сложно. Одна из таких попыток чуть не привела к гибели человека, который согласился это сделать. Он внезапно провалился вовнутрь и повис на веревке под самым потолком на высоте метров десяти, но, к счастью, ему смогли помочь и вытащили на крышу.

В некоторых местах хранилища, в узких проходах на высоте метра от пола на вертикальной поверхности коробки надпись не читалась вообще, а люксометр (прибор для измерения уровня освещенности) фиксировал нулевую освещенность. Только поднеся белый лист бумаги к надписи, можно было что-то разглядеть. Лампы накаливания мощностью не более 60 ватт в матовых колпаках, висящие высоко над узким проходом, не обеспечивали нормативную освещенность. И даже аналогичная им дополнительная переносная лампа мало что меняла. Старая проводка не позволяла увеличить мощность осветительных приборов. Через много лет, в конце 1980-х гг., когда профком обратился в трудовую инспекцию с просьбой провести обследование условий труда наших архивистов, одним из поводов признать условия труда в «дворцовом» архиве вредными была недостаточная освещенность рабочего пространства при работе с фондами в хранилище. В итоге по результатам обследования сотрудникам именно этого хранилища были назначены дополнительные надбавки «за вредность» в размере 12%. (В «советском» хранилище – 8%). Много позже, когда

архив уже готовился к переезду в новое здание, в продаже появились фонарики, которые с помощью эластичной ленты крепились на голове. Мы взяли их на вооружение для работы в хранилище: и освещают ближайшее пространство, и руки свободны для работы.

Хранитель архивных документов – профессия благородная

Несмотря на такие тяжелые в целом условия, сама работа была для меня привлекательной. Вообще-то, трудиться в сфере обеспечения сохранности документов считалось в архиве непрестижным. Ведь это не на виду, а в темном, тесном, запыленном хранилище, пыль и грязь в котором накапливались годами, не говоря уже о «пыли веков» в самих документах; к тому перемещение документов – процесс физически тяжелый. И много, много другого негатива. Но лично для меня важнее было иное – именно там хранились документы XVIII–XIX вв. Возможно, меня увлекла бы и более «интеллигентная» работа, но в хранении мне все оказалось интересно, важно и значимо. Для меня не существовал вопрос о том, «кто более матери-истории ценен» – ученый, раскрывающий людям глаза на прошлое человечества, или архивист, сохранивший документ, создавший систему его поиска и описания и предоставивший науке документ для изучения. Ясно, что одно без другого невозможно или бессмысленно. Удивительно острое ощущение возникает, когда ты понимаешь, что между тобой, хранителем и документом никто не стоит: ты, лично ты, ответственен за судьбу этих документов. Невозможно не удивляться, что эти раритеты сохранились (и неплохо) спустя 100–200 лет (а то и больше). Войны, огонь, вода, разруха, разграбление – все могло их уничтожить, но вопреки всему они пролежали в архиве столетия. Чтобы их сохранить, скромно трудились несколько поколений абсолютно незаметных тружеников – архивистов. Их работу я воспринимала как деятельность благородную и чувствовала ответственность за дальнейшее существование этих документов. Может быть, это потому, что моим непосредственным начальником и наставником оказалась Александра Александровна Брегман⁴, очень опытный архивист и человек большой души, хотя «про душу» я поняла только с годами. Как руководитель она могла четко и внятно поставить задачу, заранее подробно объяснить нюансы, могла и жестко спросить с нерадивого сотрудника. Своей требовательностью к работе и дисциплине она нас, молодых сотрудников, даже раздражала, но была справедлива, наущничество пресекала; внешне суровая, была внимательна и отзывчива, опекала тех, у кого в жизни и семье бывали сложности, многим помогала советом, подкармливала, кого-то предостерегла от неверного шага. А главное, осуществляя повседневный контроль и руководство, она всегда была как бы участником работы своих подчиненных. Обладая обширными познаниями, сама выполняла сложную, нестандартную работу. До нашего архива она трудилась на архивном поприще в Филиале Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде, фонды которого знала прекрасно. Это ей позволило очень быстро разобраться в структуре учреждений морского ведомства, в составе документов дореволюционных фондов. Глубоко осознавая ответственность архивистов (и лично свою) за сохранение документального на-

А

следия, она приложила много усилий для выявления поврежденных документов и организации работы по улучшению их состояния.

В те годы (1960–1970-е) еще было значительное количество очень сильно поврежденных документов. Многие они повидали на своем веку: длительное нахождение в неотапливаемых сырых помещениях или вообще вне зданий, воздействие воды и др. В итоге документы оказались настолько поражены различными мицелиями, насекомыми, что листы «сцементировались», т.е. волокна целлюлозы из разных листов проникли друг в друга, «вросли», стали единым массивом. Чтобы правильно с ними обращаться, для сотрудников отдела обеспечения сохранности документов (хранителей фондов, архивно-технических сотрудников, заведующих архивохранилищами, главных хранителей и начальника) в течение нескольких лет проводился специальный семинар, который вели на своей базе сотрудники Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР⁵. Благодаря стараниям Александры Александровны и вниманию к поврежденным делам удалось выявить, изолировать, отреставрировать и таким образом сохранить часть «безнадежных» документов. И все другие виды работ в архивохранилище, осуществлявшиеся под ее руководством, имели целью продлить жизнь архивным документам.

Виды работ, их особенности, отдых в «дворцовом» архивохранилище

Во все времена архив выполнял все те же виды работ, что и сейчас, если не считать деятельности, связанной с компьютеризацией. Однако в разные периоды на первый план выходили разные задачи. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. это было правильное и рациональное размещение документальных материалов в сильно перегруженном хранилище «дворцового» архива. Места на полках не хватало, поэтому приходилось расставлять коробки и связки с документами на любых свободных местах. Все тупички, «кладовочки», т.е. пустоты в толще стен, все было забито документами. При этом когда в 1956–1958 гг. сюда из разных мест привозили документы, при разгрузке не всегда удавалось соблюсти правильный порядок размещения фондов: полки освобождались не сразу, а по мере вывоза документов ЦГВИА. Как следствие, требовалась оптимизация хранения архивных материалов, которая растянулась на годы, так как этот процесс осуществлялся параллельно с улучшением стандартов хранения (перекартонированием дел, заменой ломаных, грязных коробок и папок новыми). Поэтому один из массовых видов работ того времени – картонирование и перекартонирование дел, оформление ярлыков на коробках и связках.

Какое-то время мы часто занимались тяжелой физически и грязной работой по перемещению фондов, подноской, расстановкой коробок и связок на стеллажи, иногда разгрузкой и погрузкой коробок в машину. Из-за особенностей хранилища использовать тележки не получалось, поэтому перемещали документы, передавая коробки из рук в руки по цепочке, которая выстраивалась или вдоль проходов, или с яруса на ярус. Казалось бы, работа тяжелая и грязная, но выполняли ее азартно, дружно и слаженно. При этом было много смеха, шума, шуток, веселья.

Многие другие виды архивных работ требовали определенных знаний и навыков, поэтому все вновь пришедшие сотрудники архива (в любом отделе) постигали азы архивной работы, посещая специальные занятия – «техминимум». Основная задача «техминимума» – научить нового сотрудника бережному и грамотному обращению с документами в процессе различных работ, включить его в общий архивный процесс. По окончании занятий сдавали небольшой экзамен. Свои практические навыки передавали молодым опытные сотрудники нашего отдела – старшие хранители фондов, которые выполняли более ответственные работы.

Когда я начала работать в архивохранилище, меня сразу же подключили к подготовке дел к микрофильмированию (микрофотокопированию)⁶. Этой работе в те времена уделялось много сил и средств: ежегодный план архива по созданию страхового фонда исторических документов был в 20–25 раз больше нынешнего, поэтому к данному процессу имели отношение многие сотрудники.

Нельзя не удивляться тому факту, что руководство страны, еще не полностью оправившейся после не столь давней кровопролитной войны, посчитало необходимым тратить значительные средства на предотвращение утраты бесценной информации. Закупка за рубежом пленки, организация выпуска аппаратов для изготовления и чтения микрофотокопий, создание вдали от экономических и военных центров оборудованного в далеком сибирском городке Ялуторовске хранилища для надежного хранения страхового фонда ценных исторических документов – все это требовало огромных финансовых средств и организационных усилий. Непокойная политическая обстановка в мире, конечно, мотивировала желание предотвратить угрозу полной утраты исторической памяти народа. В архиве для создания страхового фонда были отобраны фонды центральных учреждений (или их отдельные описи). Объем работы был огромный и выполнялся с большим напряжением как архивом, так и Лабораторией микрофотокопирования и реставрации документов Главархива СССР в Ленинграде. Но работа по созданию страхового фонда была полезна не только тем, что наличие копий ценнейших документов позволило сохранять подлинники, но и тем, что в итоге время на подготовку документов к выдаче для использования сократилось. Увы, на современном этапе – другая установка, и, несмотря на наличие копий фонда пользования, на сканирование довольно активно выдаются подлинники, так как пользователями востребованы цифровые копии.

Лично для меня заниматься подготовкой дел к микрофотокопированию тоже оказалось полезным: я невольно в процессе работы практически ознакомилась со структурой нескольких ценнейших фондов центральных учреждений флота, с содержанием многих важных документов. Это расширило мой кругозор и в какой-то степени создало основу для дальнейшей работы в отделе НСА, связанной с историей фондов и госучреждений.

Сотрудники хранилища постоянно занимались проверкой наличия и состояния документов. Подавляющее большинство описей дел фондов русского флота было создано еще в XIX – начале XX в. и существовало в одном экземпляре. Относительно новыми на тот период считались описи, составленные в 1930-е гг. Проверка наличия производилась двумя сотрудниками: один должен был зачитывать по описи заголовки, написанные не очень грамотными людьми

А

с неразборчивым почерком, а другой – сверять их с еще более неразборчивыми заголовками на обложках дел. В плохо освещенных проходах между стеллажами (чаще узких – около 45 см), стоя на стремянке, а то и на коробках, сотрудник едва мог разобрать, что написано на обложке. А чтобы просмотреть, пролистать дело для выявления повреждений, его нужно было куда-то положить. Для этого на коробки, расположенные на противоположных стеллажах, пристраивали доску, служившую как бы столиком. Но и такая возможность была не всегда. А самое главное – подробную и обстоятельную работу с делом не предусматривали и существовавшие тогда нормы выработки – по 500 ед. хр. на сотрудника за рабочий день, т.е. 1000 ед. на двоих. Это что-то около минуты на два дела. Не удивительно, что качество той проверки, с которым мы сейчас сталкиваемся, не выдерживает критики. В 1980-е гг. нормы были пересмотрены и значительно уменьшены. Но и тогда, и в нынешнее время очень сложным и ответственным элементом работы по проверке наличия и состояния документов, подведению ее итогов является выверка описи, т.е. установление, какие конкретные единицы хранения и в каком количестве сняты с учета по документам, были ли вновь обнаружены ранее выбывавшие дела, а главное – соответствуют ли эти данные тому, что лежит в коробках в хранилище. Несмотря на огромный масштаб проведенной работы по выверке описей, и по сей день в кое-каких фондах встречаются расхождения между сведениями в описи и в учетных документах. Особенно обидно, что сейчас, когда условия и нормы позволяют выполнять эту работу хорошо, вновь делаются непростительные ошибки.

Поскольку я уже имела некоторый опыт работы в другом архиве, меня сразу же привлекли к проверке наличия документов, а главное, по подведению ее итогов – я «ассистировала» в этом деле начальнику отдела. Для меня это был кошмар, потому что работа требовала огромного внимания, собранности и сосредоточенности при фиксации каждого номера, указанного в учетных документах, а я в то время была непоседлива и неусидчива. В иные дни мы просиживали весь рабочий день, не вставая со стула, поскольку прерваться было нельзя, чтобы не сбиться. Пропустив дополнительные перерывы, я лишалась возможности насладиться игрой в настольный теннис.

В нашем «дворцовом» архиве был весьма привлекательный для молодежи элемент архивной жизни: у нас имелся теннисный стол и ракетки. (Они были на балансе профкома.) Стол стоял на первом этаже в крохотной комнате с низким потолком, предназначавшейся для приема пиццы в обеденный перерыв. Поэтому использовать стол для игры могли лишь в дополнительные перерывы, и как только раздавался звонок, молодежь из двух отделов устремлялась вниз (по лестнице, по аппарелям) занимать очередь на партию в настольный теннис. Играли пара на пару, проигравшие вылетали. Азарта было не занимать, но звенит звонок – игра закончена. И в процессе работы, и за теннисным столом возникали личные симпатии, которые иногда перерастали в дружбу, продолжавшуюся и вне архива. Да и в другое время сотрудники находили возможность посмеяться, подшутить над товарищем, поделиться секретами, посочувствовать, кому-то помочь.

В те годы архив провел массовый переплет несброшюрованных дел силами Лаборатории микрофотокопирования и реставрации Главархива СССР в Ленин-

граде. В значительной степени это уберегло документы от повреждений и утрат при увеличении объемов выдачи в последующие годы.

В архивохранилище было выявлено несколько тысяч отсутствовавших в фондах единиц хранения, что связано с возвращением фондов из эвакуации⁷, перемещением документов из разных мест в это архивохранилище, проведением экспертизы ценности документов и массовым выделением для уничтожения дел, не имеющих научного и практического значения. Поэтому в тот период розыск и снятие с учета необнаруженных дел считались очень важным видом работы; много дел удалось найти и вернуть на место, еще больше – обоснованно снять с учета.

В отделе НСА в те годы велась масштабная переработка значимых фондов, по завершении которой они переформировывались, единицы хранения получали новые шифры, дела перекартонировались и размещались на полках. И это уже являлось зоной ответственности хранителей.

Особые обстоятельства и чрезвычайные ситуации

Одно обстоятельство держало руководство, да и рядовых сотрудников хранилища в напряжении: некогда самый безопасный «чугунный» архив к этому времени в реальности стал, наоборот, чрезвычайно пожароопасным. Причин для такого парадокса было предостаточно. Во-первых, в смежных зданиях, имеющих общие с архивом стены, размещались упомянутая типография Ленинградского военного округа и ее склад горюче-смазочных материалов, где не только хранили, но и разливали огнеопасную жидкость, ее пары проникали всюду. Рабочие во дворе курили, непотушенные сигареты и спички не раз были источником возгорания типографской бумаги в мусорных баках (они примыкали почти вплотную к окнам архива в узеньком дворе). Так что внешняя угроза пожара была реальной и не ослабевала много лет.

Но угроза таилась и внутри «дворцового» архива: ведь электропроводка в помещениях очень старая, крепилась прямо на деревянные и чугунные настилы, изоляция поврежденная, старинные или просто старые розетки не были рассчитаны на большую нагрузку и уже имели дефекты, поэтому короткие замыкания происходили частенько. А когда сильно протекала крыша и намокала стена, к которой прилегали электрические провода, сотрудникам доводилось наблюдать разряды электричества, похожие на молнию. Это грозило не только пожаром: сотрудник, стоя на чугунном полу, мог подвергнуться удару током. Только спустя несколько лет в соответствии с противопожарными требованиями провода были уложены в стандартную изоляцию.

Регулярно (4–5 раз в год) проводились учения личного состава пожарных частей для быстрейшего ориентирования в недрах хранилища и ликвидации очага возгорания. Прибывшие на пожарных машинах расчеты, в полном обмундировании с брандспойтами в руках, быстро растекались по хранилищу, разматывая пожарные рукава, проверяли доступ к водопроводной системе. А после их ухода в хранилище как напоминание об опасности еще долго оставался запах пожарища, которым были пропитаны защитные одеяния этих отважных огнеборцев.

А

Обостряло ситуацию и то, что горение деревянных конструкций создавало угрозу резкого повышения температуры в очаге горения до 1000 °С, а это могло всего за 15–20 минут привести к обрушению несущих конструкций из-за легкоплавкости чугуна. Можно себе представить, какая огромная ответственность за сохранность документов (и здания!) лежала на сотрудниках архивохранилища. Конечно, не все свою ответственность сознавали, но для всех был обязателен подробный инструктаж, всех знакомили с устройством огнетушителей, на учениях мы приобретали навыки работы со средствами тушения. В хранилище размещались ящики с песком, лопаты, ломы, ведра, багры, из современных средств были 10-литровые пенные огнетушители; при пожаре их следовало поднять, перевернуть и ударить об пол для появления пенной струи. Со временем, лет через пятнадцать, для усиления контроля была организована добровольная пожарная дружина (ДПД), члены которой отвечали за предотвращение опасных ситуаций и помощь (при необходимости) пожарным при тушении возгорания. Члены ДПД оснащались «спецсредствами»: резиновыми сапогами, плотными куртками и брюками из «хэбэшной» ткани.

В конце 1970-х гг. смонтировали пожарную сигнализацию, которая реагировала на дым и повышение температуры. Ее необходимо было регулярно проверять и настраивать. Пожарный инспектор с кем-нибудь из сотрудников хранилища проходили вдоль каждого луча системы и к каждому датчику подносили дымящийся факел. Датчик должен был реагировать на дым, и тогда на специальном приборе, установленном внизу при входе в хранилище на лицевой посту, появлялись звуковой и световой сигналы. Это означало, что система отлажена и отреагирует на возгорание. Позднее установили новое, более чувствительное оборудование. Парадоксально, но именно эта новая система сигнализации не раз была для меня как для заведующей архивохранилищем причиной постоянного стресса. Дело в том, что от резких звуков на улице, перепадов температур, колебаний межстеллажных перекрытий (настилов) при перемещении по ним сотрудников, хлопанья дверей и т.д. система часто ложно срабатывала, давая сигнал о пожаре. В рабочее время было несложно убедиться, что вызов ложный. А вот при срабатывании сигнализации во вне-рабочее время, в том числе ночью, мне не раз приходилось приезжать по звонку милиционера, вскрывать хранилище, находить сработавший датчик, чтобы убедиться в отсутствии возгорания.

Самый опасный случай связан с пожаром в смежном с архивом здании типографской администрации, когда там уже горели деревянные чердачные перекрытия. Заметив дым, сотрудники бухгалтерии типографии вызвали пожарных. Хотя вход в горящие чердачные помещения был в другом дворе, чердаки имели общую стенку с чердачным пространством архива, поэтому существовала непосредственная угроза, что пламя перекинется и на архив. Оказалось, что прибывшие пожарные расчеты были незнакомы с расположением помещений архива и сосредоточились в другой зоне. Пришлось срочно связаться с руководителем пожарных формирований и объяснить ситуацию. Тогда часть расчетов немедленно переместилась в другой конец горящего помещения и перекрывала дорогу огню еще на подступах к архиву, распыляла воду, увлажняла деревянные

конструкции. В итоге архиву огонь вреда не причинил, но ситуация была драматичная и основательно попортила сотрудникам нервы.

Как ни ужасала угроза пожара, все же против нее существовали превентивные меры, противопожарные правила, инструктажи, контроль и т.д. Но вот предупреждение другой беды, столь угрожающей сохранности документов, мало зависело от наших усилий. Для сотрудников «дворцового архива» самым страшным врагом документов, с которым приходилось постоянно бороться, была вода. Попадая на документы, она воздействует и на тексты, фактически смывая их, и на саму бумажную основу, вызывая ее деструкцию из-за ослабления связей между волокнами целлюлозы. А к тому же подмоченные документы со временем активно поражаются насекомыми и микроорганизмами. Я еще застала «сцементированные» из-за подмочек в период эвакуации документы.

Существовало несколько вариантов попадания воды в хранилище. При катастрофических наводнениях она могла появиться на нижнем ярусе хранилища и затопить документы, расположенные на нижних полках. Дело в том, что под хранилищем подвальных помещений не было, аппарели начинались прямо с уровня земли. При мне такая ситуация возникла только однажды, когда в наводнение невская вода переполнила канализационную систему и выплескивалась через люки, просачивалась из-под пола. Тогда пришлось снять около сотни коробок с документами и перенести их на более высокий уровень. К нашему счастью, ветер изменил направление, и вода начала убывать.

А вот дождь и снег регулярно в течение десятков лет приводили к протечкам крыши и нередко к повреждениям документов. Из-за конструктивных особенностей самого здания в период сильных дождей вода через потолочные окна проникала внутрь и попадала на коробки с документами. В дождливую погоду сотрудники прислушивались, не начало ли капать (все звуки были очень громкие), выявляя опасные места. Тогда приходилось взбираться по специальным мостикам на топы (верхние поверхности) стеллажей высотой около трех метров и подставлять в нужные места металлические поддоны, в которых накапливалась вода. Если сильный ливень был не в рабочее время, то придя на работу первым делом сливали воду из поддонов, проверяли, нет ли подмокших коробок и при необходимости раскладывали их для просушки вдоль проходов. Если же вода попадала в хранилище не через окна, а через поврежденные участки крыши (пробитые ломом и лопатой при очистке крыши ото льда или являвшиеся результатом многолетнего воздействия толстого слоя льда), то эти протечки можно было бы назвать настоящим «стихийным бедствием». Вода не капала, а стекала с большим напором и попадала на аппарели и установленные на них стеллажи, которые имели наклон, причем в разных плоскостях. Заранее определить ее путь было нельзя, несмотря на наши усилия. Однажды текло так сильно, что вода наполнила плафоны осветительных приборов нижнего яруса. Для предотвращения масштабных протечек в особо опасных местах документы были сняты с полок, установлены ведра и поддоны, повешены куски тканей, по которым поток воды отводился в ведра. Однако предотвратить протечки могло только регулярное сбрасывание снега с крыши. Когда этого не делалось, случалась масштабная протечка. Тогда объявлялся аврал, а к спасению доку-

А

ментов привлекались и сотрудники из других подразделений. Их участие было кратким. Они помогали ликвидировать потоки воды, снять с полок коробки. Остальное делалось сотрудниками архивохранилища, которые раскладывали вдоль проходов на сухих участках хранилища бумагу, картон, большие старые конверты, на них в раскрытом виде выкладывали дела, самые подмоченные листы промокали, на протяжении нескольких недель переворачивали листы в делах до полного высыхания. Наиболее поврежденные дела сдавали в лабораторию. Было до слез обидно, когда приведенные в порядок документы вторично подвергались подмочке. А такое иногда случалось.

Все эти беды выпали на мою долю и долю всех заведующих «дворцовым» архивохранилищем – тех, которые были заведующими до меня, и тех, которые были ими после. Несмотря на настойчивые обращения к руководству архива, многочисленные докладные записки, а также взывающие о помощи выступления на общих собраниях хранителей «дворцового» архива, ситуация очень долго не менялась. Даже, скорее, наоборот: в постперестроечное время с очисткой крыши от снега стало еще хуже, а ведь только это спасало от протечек. Мелкий ремонт крыши от случая к случаю не достигал цели: исключить протечки не удавалось. Но понимание ситуации у руководства было: Главархив СССР обратился в правительство с обоснованием необходимости строительства нового здания для нашего архива, и соответствующее решение было принято в 1976 г. Строительство началось в 1978 г. Однако процесс растянулся почти на тридцать лет. Переезд в новое здание на Серебристом бульваре был подготовлен и осуществлен с большим энтузиазмом и в кратчайшие сроки в конце 2007 г.⁸ После вывоза архивных документов и справочных изданий помещение со всеми стеллажами и старинными шкафами было по акту передано Штабу военного округа.

Февраль 2018 г.

Личный архив Л.И. Бусловой. Л. 1–23. Компьютерный набор.

¹ Росси Карл Иванович (1775/1777–1849) – российский архитектор, почетный вольный общник Петербургской академии художеств (1822 г.). Среди его творений в Петербурге, помимо ансамбля Дворцовой площади (1819–1829 гг.), – дворцы Елагин (1818–1822 гг.), Михайловский (1819–1825 гг.), Александринский театр (1828–1832 гг.).

² См.: *Тарановская М.З.* Карл Росси. Л., 1978. С. 135.

³ Ленинградский военно-исторический архив (ЛВИА) существовал в 1934–1941 гг.; его образовали на базе Общего архива Главного штаба, который, в свою очередь, был изначально создан в 1819 г. как архив инспекторского департамента Военного министерства. Передача его документов в ЦГВИА СССР велась в 1956–1958 гг. (См.: *Архивы России. Москва и Санкт-Петербург: справ.-обозрение и библиогр. указ.* / гл. ред.: В.П. Козлов, П.К. Гримстед. М., 1997. С. 158.)

⁴ Брегман Александра Александровна (1918–199?), окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета в 1941 г., работала в блокадном городе. Позднее трудилась в филиале ЦГВИА СССР в Ленинграде, но в связи с перемещением его документов в Москву в 1956 г. перешла в ЦГАВМФ СССР. Выйдя на пенсию, работала над подготовкой (в соавторстве с Е.П. Федосеевой) к изданию документальных сборников о жизни и деятельности декабристов В.Ф. Раевского и Г.С. Батенькова (Раевский В.Ф.

Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980. Т. 1. 1983. Т. 2; Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1: Письма (1813–1856). Иркутск, 1989.

⁵ Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР была создана в 1934 г. на основании постановления Президиума АН СССР от 22 мая 1934 г.

⁶ Работа по созданию микрофотокопий архивных документов регулировалась Инструкцией об организации микрофотокопирования документальных материалов и о работе с микрофотокопиями в государственных архивах (М., 1958).

⁷ В начале Великой Отечественной войны наиболее ценные документы ЦГАВМФ были эвакуированы в г. Чкалов (Оренбург), остальные перемещены в подвалы или в нижние этажи.

⁸ Об этом см.: Материальная поддержка необходима. Директор РГАВМФ В.С. Соболев о завершающемся строительстве здания архива // Отечественные архивы. 2005. № 6. С. 83–86; Малевинская М.Е. Переезд РГАВМФ завершен // Там же. 2008. № 1. С. 129.

УДК 930.25+093

Н.Б. Волкова

«...Коллектив меня принял»
*Воспоминания о предвоенном детстве,
военной юности и пути в профессию**

Ключевые слова: воспоминания, Институт иностранных языков, Московский педагогический институт им. В.П. Потемкина, Владивостокский педагогический институт, Центральный государственный архив литературы и искусства, Российский государственный архив литературы и искусства, Российский государственный архив фонодокументов.

Я родилась в деревне Назарьево – подмосковном имении рода Михалковых. Мой отец – Лимонов Борис Петрович был мальчишкой в этом имении, кончил церковно-приходскую школу, построенную помещиком для детей, потом был взят в так называемую господскую контору, работал в ней довольно долгое время и дослужился до помощника управляющего имением. Женился, было уже трое детей, когда началась Первая мировая война. Его призвали в армию, назначив на должность заведующего хозяйственной частью санитарной летучки. Она представляла собой небольшое санитарное подразделение, где оказывалась первая помощь, затем раненых отвозили в госпиталь. Там и произошла встреча с его будущей женой и моей мамой.

* Запись воспоминания осуществлена Российским государственным архивом фонодокументов 28 мая 2014 г. в рамках программы «Устная история», расшифрована сотрудниками Российского государственного архива литературы и искусства, литературная обработка текста выполнена редакцией журнала «Отечественные архивы».

А

Моя мама – Попова Антонина Александровна, уроженка Одессы, ее родители были незначительные дворяне. Мать ее, моя бабушка, выйдя замуж, вместе с мужем уехала в Бессарабию. Он служил акцизным чиновником, т.е. в его обязанности входило объезжать так называемые монопошки, где торговали казенной водкой и спиртом, и собирать деньги для акцизов. Мама воспитывалась в городе Сороки и окончила там гимназию. У бабушки были состоятельные братья: один – капитан торгового флота, другой – главный врач и начальник госпиталя в Иерусалиме. Мама туда раз или два ездила и часто нам рассказывала о святыхнях, местных порядках, дяде, которого мы никогда не видели, но о ком знали по ее рассказам.

Окончив в Сороках гимназию, мама и ее сестра Верочка поехали в Москву учиться. Бабушка оставалась в Сороках. К тому времени дедушка, простудившись во время своих разъездов, тяжело заболел и лишился ног, получал пенсию, а бабушке дали место продавщицы в монопошке, где она торговала в основном водкой и спиртом. К счастью, торговля шла хорошо, городской находился рядом на всякий случай, бабушка вполне с этим справлялась. Моя мама и ее сестра, приехав в Москву, поступили на высшие женские курсы, к сожалению, не могу сказать, что это были за курсы, знаю только, что они находились в помещении уже в советское время Государственного педагогического института имени Ленина, возле нашего архивного городка на Пироговке¹. Мама занималась там, но не знаю, окончила их или нет. Сохранилось только одно московское знакомство, и впоследствии немного поддерживаемое, – Лев Александрович Зенкевич, который первое время, занимаясь изучением естественных наук, плавал на корабле «Витязь», совершая экспедиции, а потом стал академиком и широко известным ученым².

После дополнительных подготовительных курсов мама попала в санитарную летучку, где служил мой будущий отец. Мама, на мой даже ранний взгляд, была не очень практичной и далекой от жизни; не знаю, чем ее заинтересовал этот человек, на несколько лет ее старше, вдовец, с тремя маленькими детьми, за которого не всякая женщина пошла бы замуж. Вначале о женитьбе, по ее словам, речь не шла. Была достигнута договоренность, что она будет воспитывать в деревне его детей, а он ей поможет создать ферму в деревне (в то время большое хождение имела столыпинская теория о хуторах, земледелии, налаживании сельского хозяйства и т.д.). Но произошла революция, и мама вместе с отцом поехала в Назарьево. Бессарабия, по-моему, была оккупирована. В Одессу ехать было тоже рискованно, туда отступали белые. В Назарьево мама с папой быстро обвенчались. Мама не имела ни малейшего представления о деревенской жизни, но обладая большой работоспособностью и изумительным характером, взялась за домашнее хозяйство; вся работа легла на нее, и она охотно с этим справлялась.

Скоро один за другим появилось трое детей, и каждый третий умирал в младенчестве. Думаю, мама просто не знала, как заниматься с маленькими, а помощь ей не оказывалась, потому, что вся отцовская родня была резко настроена против нее*. <...>

Отец решил выехать из деревни на хутор, который находился в полутора километрах, в совершенно глухом лесу, где была им вырублена большая площадь

* Здесь и далее опущены фрагменты о первой семье отца.

и среди леса построен дом на довольно большой горе; с одной стороны которой протекал ручей, с другой – река, место чрезвычайно живописное. Мы там прожили примерно до 1934 г. Мама, живя в деревне, познакомилась с бывшими владельцами Назарьево – отцом Михалкова и его женой Марией Александровной. Их уже выселили из большого красивого помещичьего дома, но Мария Александровна часто по старой привычке приходила в деревню и посещала избы знакомых крестьян. Заходила она и к маме. Мама рассказывала, а я четко запоминала; как-то Мария Александровна зашла к маме и мама ее спросила, как им живется. Мария Александровна гордо показала на свои изумруды: «Как видите, пока живу». Потом мама спросила, почему Сережа (будущий поэт Михалков) называет себя Михалковым, а не Михалковым. На что она презрительно ответила, потому что он предпочитает, чтобы его считали французским парвеню, нежели признаться, что его мать урожденная княгиня Голицына. Но вскоре они, как известно, уехали на Кавказ, где занимались разведением кур, о чем потом много писал сам Сергей Владимирович.

Переехав на хутор, отец, видимо, хотел развить большое фермерское хозяйство. Я осязательно помню, что осталось после его замысла. Это, во-первых, большой дом, две конюшни, стойло на трех коров, звавшихся Лада, Светлана и Рагнеда. Была посадка маленьких яблонек, которые так и остались не разросшимися, огромные клубничные гряды, с которых собиралась клубника и в ящиках отвозилась на продажу. Но все это приходило в полную негодность. Исчезла молотилка, вместо трех коров осталась одна, другую по суду востребовала старшая дочь отца, которая выходила замуж. Мама потом удивлялась, зачем это надо было делать по суду, когда ей бы и так отдали. <...> Исчезла лошадь, которая была всегда в хозяйстве. Но все это оказалось к счастью, потому что в один прекрасный день к нам явилась комиссия для описания хозяйства на предмет раскулачивания. Однако описывать было же нечего. Таким образом, мы избавились от перспективы ехать куда-то в дальние края. Но все равно через некоторое время отца арестовали. Трудно сказать, по какой причине, во всяком случае, ему была присуждена ссылка в город Калугу на четыре года, причем он мог там работать и хоть как-то помогать семье. А семья и хозяйство остались на маму и бабушку и нас, троих ребятишек. Я была 1924 г. рождения, а мои брат и сестра на полтора года меня моложе.

Мама никуда не могла устроиться на работу, так как, по-видимому, еще сохранялась прежняя паспортная система, и мама числилась там дворянкой

Н.Б. Волкова. 1957 г.

А

и поэтому лишалась всех прав, в том числе работы в каком-либо учреждении. Первое время, пока у нас была лошадь, мама зимой занималась извозом песка из карьера на какое-то строительство. Эта работа была не для женщин, но она работала не одна, с ней работали несколько мужиков, которые этим занимались. И они, тронутые ее положением, оказывали ей посильную помощь. Вторая работа, на которую ей потом удалось устроиться, – в санатории в Голицыно, где тогда лечились нервнобольные. Это был санаторий высшей категории. Ее взяли туда кореньщицей на кухню, т.е. заниматься обработкой овощей, мойкой посуды. На нее произвел большое впечатление главный повар – некий Родион Павлович, который ранее служил главным поваром английского клуба в Москве. Это человек с очень твердым характером, прекрасный гастроном, знавший себе цену. Его тронуло мамино добросовестное отношение к обязанностям, ее положение и он довольно быстро начал продвигать ее по службе. Во всяком случае, мама уходила оттуда уже помощником повара. Она рассказывала мне, что там происходило. Вот две детали, которые запомнились и которые характеризовали этого человека. В окрестностях Голицына были маневры, которые проводил С.М. Буденный. Он со своими офицерами обедал в санатории, для него был приготовлен специальный обед, после которого Семен Михайлович пригласил повара, поблагодарил и передал некую сумму денег. Родион Павлович взяв деньги, заявил: «Я это раздам своим людям». Второй эпизод, который маму даже несколько удивил: к нему приезжала старушка жена, жила в его комнате, ну что, казалось бы тут думать, когда муж – главный повар в санатории, пользующийся лучшими продуктами, однако он аккуратно на все дни ее приезда оплачивал совершенно официально то, чем она питалась*. <...>

Повторю, мы уехали с хутора в 1934 г., когда мне было 10 лет. Несмотря на маленький возраст, начиная с 7–8 лет, а может быть и раньше, мы, дети, выполняли очень многие работы. Бабушка вела домашнее хозяйство, к тому же она нас обшивала, так как купить тогда ничего было нельзя, да и денег в семье почти не имелось. Отец разводил большой огород, а мы должны были заниматься прополкой, поддерживать его в порядке. Основу пропитания составляли овощи и, главным образом, картошка с огорода. В наши обязанности входило также носить воду на крутую горку из ручья, потому что колодца на горе не было, и воду мы, дети, таскали в ведерках в большой чугунок, стоявший в кухне. Затем мы пасли корову, кроме нее были заведены еще и козы. Пастьба была довольно приятной обязанностью, так как в это время мы занимались чтением. Мы очень рано самостоятельно все трое научились читать, а мама заботилась, чтобы чтение у нас было постоянно. Приходилось продавать молоко, которое тоже являлось частью нашего обихода и существования. Продавалось оно или в соседний маленький поселок Ямщина, который находился недалеко от нас в лесу, или мамой возилось в Москву по тем знакомствам, которые она завела. Когда она ездила в Москву, то туда везла бидоны с молоком, а обратно – продукты, корм для коровы и затем, несмотря на тяжелые мешки, обязательно какие-то книги. Книги она получала, между прочим, тоже от довольно интересных людей. Так, одной ее клиенткой

* Далее опущен фрагмент о взрывном характере главного повара.

была некая Зинаида Сергеевна Шер – редактор какого-то журнала, другой – моя крестная мать. С этой женщиной мама познакомилась, когда они жили в Назарьеве – Наталья Романовна – художник Художественного театра. Она приезжала в деревню для того, чтобы наменять каких-то продуктов. Она познакомилась тогда с мамой, отцом, и это знакомство поддерживалось и впоследствии, крестила меня, и даже Наталией, кажется, меня называли в ее честь.

Еще молоко возилось в квартиру Станиславского. Двоюродная сестра отца, тетя Аня, была кухаркой в семействе Станиславских. Мы приходили туда, мама разливала молоко, потом уходила по остальным клиентам, а я обычно дожидалась, сидя в кухне у тети Ани, и раза два могла видеть самого Станиславского и, конечно, очень часто его жену Лилину, приходившую на кухню. Это знакомство имело потом продолжение. Когда Станиславский умер, тетя Аня стала работать в Музее Станиславского смотрительницей. Я в это время уже училась в Москве в институте, и тетя Аня иногда нам давала билеты в Художественный театр. Хорошо запомнилось, во всяком случае, наше первое его посещение. Я со своей приятельницей по курсу пошла с этими билетами. Мы сели на 7-й ряд, 5 и 6-е место. И я заметила, что к нам настороженно приглядывается капельдинер, он как-то колебался, потом все-таки подошел и попросил билеты. Мы, естественно, дали, он их внимательно посмотрел, почтительно нам поклонился и отошел. Потом я уже узнала от тети Ани, что оказывается, это были постоянные два места, которые принадлежали только Станиславскому, на этих местах он сидел, смотря все репетиции. В свою очередь колебания капельдинера, вероятно, были связаны с нашими костюмами. Шла война, и я помню, что на мне были солдатская гимнастерка и такая же юбочка из солдатского сукна и, кажется, даже сапоги или другая весьма непривлекательная обувь. Во всяком случае, ходили мы несколько раз, а вот такого рода контроль был осуществлен только в первый раз. <...>

Уже в 1933 г. мы пошли в школу, живя на хуторе. Отправились туда все втроем; нам устроили экзамен, и меня определили во 2-й класс, а брата и сестру в первый, хотя знания у нас были совершенно одинаковыми. На следующий год мы, оставив хутор, переехали обратно в деревню. Это было связано с тем, что мама получила возможность работать в школе, и с нашей учебой. Но надо сказать, что отец за эти годы весьма опустил. По-видимому, не удалось сделать то, что он хотел, и вот эта новая жизнь, колхозы (в деревне в то время в бывшем поместье был большой совхоз, в деревне – колхоз), все это как-то разрушило его веру в будущее, в то, что он сможет что-то сделать, и он постепенно опускался. Первое время он был садовником в организованном там санатории. Кстати, этот санаторий являлся филиалом большого санатория «Сосны», тоже принадлежавшего Совмину. Поэтому в Назарьеве было выстроено несколько домов для рабочих, обслуживавших совхоз. Между рабочими, в основном приезжавшими, по-видимому, из голодающих областей и семей раскулаченных, и крестьянами наблюдался глубокий антагонизм. Крестьяне презирали вновь прибывших, а те соответственно относились к крестьянам. Потому что жизнь крестьян в связи низкой оплатой труда в колхозе отличалась в пользу приехавших. И все это порождало известный антагонизм, который я уже тогда ощущала, поскольку моими подругами были две девочки из совхоза, а мои родственники по отцу жили в деревне.

А

Учеба у нас шла хорошо, но помню один случай, который очень запомнился. Как-то ребята разыгрались на перемене, и один из них, метнувши каким-то предметом, попал в портрет Сталина. Кто мог этот вопрос поднять? Во всяком случае, к нашему удивлению через несколько дней из деревни исчезла вся эта семья. То есть шалость мальчика имела такие тяжелые последствия. Разумеется, я лишь потом все это осознала. Но тогда мы только удивлялись, куда они вдруг уехали так внезапно. Были и другие факты, когда мы еще жили на хуторе. Однажды поздно вечером к нам прибежали из Ямщины две женщины, купившие себе там дом монашки какого-то монастыря и жившие общиной. Они прибежали к нам, сидели у нас до темноты, потом отец отвез их на лошади на станцию, и только после их отъезда мама рассказала, что в Ямщине был обыск, и они таким образом спаслись, избежав ареста. Еще один случай, связанный с Ямщиной, но уже другого порядка. В Ямщине тогда были выстроены дачи для некоторых членов правительства, в том числе высоко над обрывом над рекой Вяземкой, дача Каменева. И вот однажды, когда мы несли оттуда воду, встретили пару. Мужчина остановил нас и попросил полить из кувшинов ему на голову, было очень жарко. Мы полили, они нас спрашивали, почему мы живем здесь, в лесу, в общем проявили интерес, шутили, помню даже, его спутница дала нам по конфетке, и только потом от мамы мы узнали, что это была чета Каменевых.

Мы окончили начальную школу, и тогда перешла сначала я, а потом брат и сестра в семилетнюю школу в Жаворонках. Это станция по железной дороге, и там была семилетка, а в Назарьево только четырехлетка. Мама к тому времени стала учительницей в школе, вела один класс. Старая учительница, которая была до нее и работала там еще до революции, умерла. И тогда, я помню, ее сестра, которая приехала забрать некоторые пожитки из ее комнаты, взяла оттуда и портрет двух мальчиков. На нем были изображены двоюродные братья Сережи Михалкова – Федя и Петя Глебовы – будущий актер и будущий художник, с которыми уже мне потом пришлось встречаться, когда я работала в архиве.

Нас, детей учителей и служащих совхоза, в школу возили на машине; до Жаворонков было семь километров. Утром за нами приходила грузовая машина со скамейками, а после школы ждала нас на станции. Деревенских детей сначала брали, а потом почему-то перестали. Я помню, тогда меня это очень смутило, я даже поговорила с мамой об этом, потом мама ходила в совхоз и выясняла по этому поводу; детей снова стали возить. Помню, как один мальчик, которого не посадили на машину, пошел пешком, а мы поехали, и когда шофер остановил машину и хотел его взять, он отказался. Вот такие случаи очень запоминаются.

Летом, когда мы жили на хуторе, у нас были дачники. Вспомнила я об этом потому, что среди них два года у нас жило семейство Льва Александровича Зенкевича, приятеля мамы. У него были сын старше меня на два года (мне было до 10 лет) и дочка. Мальчика звали Котя (от Константин), девочку – Таня. Им отдавалась большая комната, а в проходной, которая служила и комнатой, и кухней, жили мы. Помню, как старалась сестра читать что-нибудь и в то же время видеть этого мальчика. Потом мы подружились, вместе играли. Запомнился один эпизод: как-то мы поехали вместе с ними в Москву. Мама взяла свои мешки с бидонами молока, а Лев Александрович, разумеется, их взял на себя, и мама стала

отказываться, видя, что это не очень приятно его жене, а я сказала: «Мама, ну что ты, ведь он же мужчина!» Мешки понес, конечно, он. Вообще мы очень много читали, но не все еще понимали. Был такой эпизод, который говорит о том, как много нам давалось. У нас была такая игра – предлагалось кому-то назвать бога по греческой мифологии, а другой должен был сказать, как называется он в римской мифологии. Когда в институте мне пришлось сдавать античную литературу известному своими трудами преподавателю, он пришел в изумление от моего знания мифологии, потому что другим она доставляла известные затруднения запомнить все эти многочисленные связи.

Я окончила семилетнюю школу в Жаворонках. Причем должна сказать, что каждое лето и я, и моя сестра трудились в совхозе. Я работала обычно в санатории, ухаживала за цветами. Отец был там садовником. Не помню, получила ли я за это деньги или это входило в обязанности отца. Во всяком случае, и в семилетней школе, и когда я училась дальше, обязательная работа либо в совхозе, либо в колхозе летом была для нас обычным делом.

Когда я должна была перейти в другую школу, это совпало с нашим знакомством с одним московским семейством. В соседнем доме появилась семья неких Брейтбургов: отец – Абрам Моисеевич³, его жена и маленькая девочка Юля. Они как-то примечали нас, а нам было интересно с ними встречаться. Я помню, он сделал первые фотографии меня и моих сестер. Тогда на хуторе в нашей семье родился последний ребенок – младшая сестра Оля. Мы уже учились, а она была еще маленькой. Брейтбурги предложили маме взять меня с собой в Москву, жить у них в семье, немного помогать по хозяйству, смотреть за девочкой и учиться в школе, в восьмом классе, которого не было тогда в Жаворонках. На один год я переехала в Москву. Эта была культурная семья. Абрам Моисеевич – врач, потом он стал, по-видимому, не только врачом, но и крупным специалистом, жена помогала ему в работе. Я училась в школе и немного помогала по хозяйству. У него был брат Семен Моисеевич Брейтбург⁴, с которым мне снова пришлось встретиться, когда я стала работать в архиве, и даже раньше, когда училась в институте. Он старался как-то руководить моим чтением. Советовал, что следует читать, потому что все то, что читали дети нашего возраста, тогда уже было мной прочитано. Его же советы мне очень помогли в дальнейшем.

В школе мне тоже пришлось встретиться с приметамы того времени. Во всяком случае, я узнала, что у некоторых одноклассников, по-моему у трех или четырех, не было отцов, они были репрессированы. Не было отца и у приятельницы Брейтбургов, которая жила в том же доме, где и они. Я узнала, что он репрессирован, не очень разбираясь, что это такое означает.

Прожила я там только год, скучала по семье и предпочла, окончив школу, вернуться в Назарьево. И перешла учиться в село Успенское, там, где был санаторий «Сосны» и где теперь живет вся наша элита – это Рублевское шоссе, тогда там был большой поселок, кооператив работников науки и искусства. Школа меня поразила прежде всего своим внешним видом. Когда-то это был дом Морозовых. Там были хорошие учителя, во всяком случае, они произвели на меня большое впечатление. В школе учащиеся как-то ко мне присматривались, как-никак я была для них пришедшей из московской школы. Хорошо запомнился мальчик Генрих⁵.

А

Потом я узнала, что он был племянником актера и директора Малого театра Судакова. А сам Генрих по фамилии и имени явно из Прибалтики, кажется, был родственником его жены, но тогда об этом не распространялись.

Учились во вторую смену, возвращались почти ночью проселочной дорогой по лесу и полю. Как-то [Генрих] Л[аубе] пошел меня провожать вместе со своим приятелем. Такие провожания продолжались несколько раз, но без каких бы то ни было последствий в смысле ухаживаний, это были чисто товарищеские отношения. И у меня создалось впечатление, что этому причиной был не столько Генрих, который меня интересовал, сколько его товарищ Коля Осипов, дача, которого была по дороге от школы и дедушка которого был известным артистом – басом в Большом театре⁶. Но все это я узнала потом, тогда я просто мельком об этом слышала.

Началось лето 1941 г. и нашу обычную жизнь прервала война. Говорить о войне, конечно, тяжело, мы тогда мало понимали, насколько это все было ужасно, потому что на первых порах она обходила нас как-то стороной. Но, во всяком случае, мы ездили на рытье окопов под Вязьму, очень много пришлось работать в колхозе, убирать урожай, а затем война приблизилась вплотную. Уже у нас в деревне расположились войска, и граница проходила по Москве-реке, вот по этому же Успенскому, на одной стороне стояли немцы, на другой – наши. Хорошо помню момент, когда стрельба, бомбежки вдруг прекратились. Все части ушли. В деревне воцарилась тишина, мы только гадали о ее причинах. И вскоре ночью, примерно через неделю этой относительной тишины, потому что бомбежка кругом все-таки продолжалась, вошел сибирский конный полк. Он вошел ночью, расположился, а утром к нам забежал солдатик с большим ведром, наполненным солдатской похлебкой, и сказал: «Дайте таз, чтоб вылить». Мы ему дали чистый таз. Мама спросила: «А вы-то сами почему не поели?» Он говорит: «Некогда, идем в наступление». И они ушли. Эта часть как раз пошла на передовую, остановив немецкое наступление. У нас продолжали находиться войска, какие-то части, видимо, шло переформирование. Передовых, конечно, не было, они отодвинулись. Стояли части, которые менялись, но одна пребывала довольно долго.

Ближе к весне, по-видимому, в феврале, я продолжила учебу. Успенская школа была закрыта, но я узнала, что начала действовать школа в Голицыне. Не знаю как, но я отважилась, тоже во вторую смену, ходить пешком в Голицыно, вернее, сначала на лыжах через лес, поле, пересекать железнодорожную линию и выходить к школе. Там был последний выпускной 10-й класс, который занимался экстерном. Времени оставалось мало, а учителя хотели обязательно нас выпустить, дать дипломы. Помню эти хождения, довольно неприятные. К счастью, потом я поступила так: ходила в Жаворонки, садилась на поезд, ехала до Голицыно и также возвращалась. В школе во время средней перемены в класс вносили большой поднос, наполненный кусочками хлеба, и раздавали его ученикам. С питанием было, конечно, тяжело, но мы держались картошкой, которая у нас была в подполе. Правда, осенью того же 1941 г. я пустилась в опасное путешествие. После отхода немцев в стороне Москвы-реки осталось очень много трупов лошадей, они уже замерзли, и некоторые из нашей деревни ходили туда, отрубали части конины и приносили в Назарьево. Я решила сделать то же самое. Не помню, удерживала

меня мама или нет, но, во всяком случае, я одна отправилась в путешествие. Это было уже ближе к весне. Я взяла с собой кое-какие вещи для обмена. Перешла Москва-реку и пошла в какие-то села, лежащие дальше. Заночевала в одном селе. Мне сказали, что сама я ничего сделать не смогу, трупы еще замерзшие и их собственно уже и нет. Лежали только трупы немецких солдат, их не убрали с осени, некому было, а может и не хотели. И вот я проходила мимо этих черных трупов, лежавших во многих местах. Во всяком случае в той деревне я обменяла вещички, которые у меня были, и забила целый мешок уже рублеными частями конины и пошла обратно. Стемнело, я уже шла лесом по более или менее знакомым местам. И здесь надо было пересечь разлившийся ручей. Я споткнулась и упала в него навзничь, встать было трудно, держал мешок с кониной. С огромным трудом я как-то выползла на бережок, добралась до дома. Здесь меня уже обогрели.

Окончив школу в 1941 г. и получив аттестат, я решила поступать в институт. Это был уже 1942 г. Помню, что у меня были какие-то мысли о работе в нашей разведке против немцев, потому-то я и поступила в Институт иностранных языков на немецкий факультет. Учиться было крайне трудно. Электричек еще, конечно, не было, поезда ходили довольно редко. Я шла пешком рано утром до станции Жаворонки, ехала в холодном, нетопленном поезде на Москву, потом добиралась до института. В институте не топили; сидела, слушала лекции, затем практические занятия, прежде всего языком; домой возвращались той же дорогой. Кончилось это тем, что сдав первый семестр, я заболела – отнялись ноги. Что это была за болезнь, не знаю. Во всяком случае, я пролежала, не имея возможности вставать в течение двух месяцев. Выздоровев, я передумала учиться дальше в Институте иностранных языков. Поняла, что заниматься всю жизнь чужим языком (а я мечтала только о профессии преподавателя) будет менее интересно, нежели заниматься русским языком и русской литературой.

На следующий год я решила поступать в Московский педагогический институт им. В.П. Потемкина. Факультет находился в Гавриковом переулке, недалеко от станции метро Красносельская, а главное здание – в центре Москвы на улице Гранатной. Я не знала, что могу перейти переводом, и поступала заново. Но так как набор шел без экзаменов, меня просто записали на первый курс. Институт обладал изумительным преподавательским составом. Это связано с тем, что перед этим закрыли ИФЛИ – Институт философии, литературы и истории, и преподаватели перешли в основном в московский педагогический. Так, у нас преподавал прежде всего Бонди⁷. Совершенно потрясающий преподаватель, который давал очень много. Потом его лекции, когда уже он читал их в университете, слушала моя дочь и тоже восхищалась. Кроме Бонди из преподавателей были Водовозов⁸, затем Тагер⁹, преподававший литературу начала советского периода, затем Цейтлин¹⁰, Жураковский¹¹ преподавал историю педагогики и Реформатский¹² – введение в языкознание. Жураковский меня потряс не своими лекциями. Я у него вторично добросовестно прослушала весь курс, поскольку он читал и в Институте иностранных языков, а потом пошла сдавать экзамены. Он взял мою зачетку, посмотрел на меня внимательно и спросил:

- Вы уже сдавали мне?
- Да.

А

– Когда? Где?
 – В инязе на первом курсе.
 – А что вы получили?
 – Пятерку. Он взял зачетку, поставил пять и сказал: «Идите и в другой раз помните, чем вы занимались».

Зимой 1942 г. умерли и бабушка, и отец. Бабушка скончалась от фурункулеза, а отец просто угас, скончался во сне ночью. Мама осталась с нами одна. Когда я поступила в институт, училась довольно успешно, а жила первое время у приятельницы по институту Моргуновой Наталии Николаевны, отец которой – довольно известный искусствовед в Третьяковской галерее, мать тоже там работала. Наташа сначала была в эвакуации, а потом поступила в МГПИ на первой курс со мной вместе. Мы случайно попали на одну скамью, познакомились, и она мне предложила пожить у нее, потому что родители находились еще в эвакуации, а она жила одна и одной ей было неприятно. Так что первую зиму я не только училась в институте, но и жила у нее. Я об этом вспомнила потому, что нами было совершено, на мой взгляд, почти преступление. Ее родители имели, по-видимому, кое-какие собранные старые иконы и, уезжая в эвакуацию, спрятали их в чулане. Квартира отапливалась дровами, получаемыми по талонам, а я, к счастью, обладая деревенскими навыками, могла их колоть. Но одно время дров не было, мы начали замерзать, и Наташа обследовала чулан. Обследуя его, она мне говорит: «Слушай, здесь, конечно, есть ценные иконы в окладах, а вот тут какие-то деревяшки». Я говорю: «Тебе виднее». Короче, эти иконы, в чем мне сейчас страшно признаться, мы разрубили и протопили ими печь раз или два. Потом, когда ее родители приехали и я пришла в гости, мне мать говорит: «А вот, воры у нас все-таки побывали. И представьте, воры знающие! Иконы XVIII–XIX вв. оставили, а те, что были наиболее старинные, XVI–XVII вв., унесли». Услышав об этом, я слава богу, промолчала, мне было просто страшно в этом признаться. Потом я уже Наталье сказала: «Я-то ладно, я из деревни, а ты дочь искусствоведов!» Она говорит: «Только молчи, не признавайся!» И вот эта тайна, в которой я признаюсь впервые.

Еще до учебы в институте или в первое время в институте со мной произошел другой случай. Мне написал письмо тот мальчик Коля, который провожал меня, когда я училась в успенской школе. Письмо было для меня совершенно неожиданное. Ведь прошло довольно много времени, года полтора. Он писал, что просит навестить его бабушку и тетку, которые живут на даче, мимо которой мы проходили, что они живут одни и будут мне очень рады. Мне было не совсем понятно, зачем идти навещать людей, занимающих, на мой взгляд, довольно высокое положение. Но я пошла, ведь он об этом просил. И наше личное знакомство только тогда состоялось. Бабушка была женщиной очень пожилой, с ней жила жена ее брата, тетя Зина. Когда мы поговорили, они мне предложили жить у них на квартире в Москве, поскольку постоянно находятся на даче, ничего за это не платить. Потом, правда, они объяснили, в чем дело. Им полагался паек в Москве, который для них получала их бывшая домработница, и его надо было кому-то привозить. Я с удовольствием взяла это на себя, но поселилась у них не сразу, потому что первый год прожила у приятельницы.

Кстати, Наталия Николаевна была замужем. Она стала женой Петра Андреевича Зайончковского¹³, находясь со своими родителями в эвакуации в Свердловске, куда была вывезена Третьяковская галерея. Они влюбились друг в друга, расписались, потом он был призван, уехал в действующую армию и исчез, во всяком случае, писем от него не было. Она глубоко это переживала, пыталась наводить справки, но безуспешно. Однако весной неожиданно пришло его письмо, к которому был приложен официальный развод. Я не знаю, насколько тогда было законно разводить с одной стороны. Наталия Николаевна совсем не понимала, чем мог быть вызван развод и была глубоко этим огорчена. Помню, она пыталась писать ему, но были ли какие-то письма ей или нет, не знаю. Потом, какое-то время спустя, она, используя этот развод, вышла замуж, не могу сказать, что за известного, но широко практикующего художника Сергея Павловича Викторова¹⁴. А я узнала Зайончковского уже тогда, когда работала в архиве; он стал заведомом рукописей Библиотеки им. Ленина. Я никогда его об этом не спрашивала, так как общалась с отделом рукописей, когда он оттуда ушел и отделом руководила уже Сарра Владимировна Житомирская¹⁵. Именно с ней мы познакомились и даже активно сотрудничали. Все похвалы Зайончковскому, о том каким он был хорошим заведующим, как много сделал, я, собственно, прочла в работе самой Сарры Владимировны в ее книге «Просто жизнь»¹⁶, где она подробно описывает свою жизнь и работу в Отделе рукописей. И нужно отметить, что ее книга и вдохновила меня немного рассказать о нашей работе, потому что эта книга, на мой взгляд, чрезвычайно полезна, особенно для тех, кто работает в архивной системе. Я вам очень советую, прочтите. Это такая книга, где она подробно пишет о себе, о своей семье, что примерно занимает полкниги (я, конечно, ограничиваюсь очень маленьким периодом), а остальное – об архивной работе, которая чрезвычайно любопытна для всякого архивиста, о деятельности Отдела рукописей. Рабочая карьера Сарры Владимировны кончилась увольнением, несмотря на то что она была блестящим специалистом. Вместе с некоторыми сотрудниками Отдела рукописей она пострадала из-за архива Булгакова. По-моему, их обвинили чуть ли не в том, что они передавали, разумеется, копии из архива Булгакова в Америку¹⁷. Именно по этому поводу и ее, и кого-то еще, кажется, Зимину Валентину Григорьевну¹⁸, тоже сотрудника Отдела рукописей, уволили. Скандал был очень громкий.

Итак, мы остановились на моей учебе в институте. Я окончила первый курс в 1942 г. Училась вполне прилично. Студентов-юношей почти не было, всего несколько человек, причем два из них уволены из армии по ранению. В 1945 г. я окончила 3-й курс. Надо отметить, что как раз в эти годы (1946–1947 гг.) началась борьба с космополитизмом. И мы это ощутили в нашем институте, во всяком случае, некоторые преподаватели были уволены, в частности преподаватель иностранной литературы Исбах¹⁹ и, по-моему, он даже преследовался. Был ли арестован, не знаю, но из института его исключили. В качестве примера этой кампании могу привести случай, когда я сдавала экзамен Леониду Петровичу Гроссману²⁰. Он читал у нас литературу XIX в., достаточно много внимания уделял творчеству Ф.М. Достоевского и, конечно, нас всех увлек своими интересными лекциями и толкованием его романов. Когда я сдавала ему экзамен, пришли двое каких-то посторонних. В это время вообще к нам много ходили на занятия, лекции

А

и слушали наших преподавателей. Вроде именно тогда вышло постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»²¹. Когда я начала ему отвечать, у меня был билет по «Запискам из Мертвого дома». Я подробно изложила предмет и все пыталась перейти к братьям Карамазовым, которые меня особенно заинтересовали, но он упорно не желал переходить на эту тему, и целый час мы просидели на «Записках». Расспрашивая меня вплоть до перемены, что, конечно, выходило за пределы экзамена, он поставил мне пятерку и ушел. Присутствовавшие товарищи тоже ушли и больше уже не появлялись. Они были, безусловно, из органов, институт тогда подвергался проверке.

В 1946 г. я уже жила на квартире бабушки [Коли] и аккуратно возила ей продукты. Каждую субботу я ехала сначала к ней с продуктами, которые передавала ее домработница, ночевала там, утром шла домой к маме, а на следующий день возвращалась в Москву. Кстати, так продолжалось недолго, потому что в 1946 г. я вышла замуж. Произошло это совершенно внезапно. Мы поддерживали отношения с родственниками первой жены отца, даже после его смерти. И вот как-то они пригласили меня под Новый год. Там я встретила с их родственником, который прибыл в отпуск с фронта и которого я знала с детства. Это был молчаливый, спокойный человек, очень замкнутый, который еще до войны выучился на архитектора и работал. Он пошел меня провожать, а через месяц сделал мне предложение. Я была несколько растеряна. Анатолий Васильевич, безусловно, был очень хорошим человеком. Когда его демобилизовали летом 1946 г., мы поженились. В дальнейшем я убедилась еще раз, что он действительно прекрасный человек.

В 1947 г. мне пришлось прервать учебу в институте в связи с рождением ребенка. У нас родилась девочка, которую я, следуя портрету Аленушки в Третьяковской галерее, назвала Еленой. Вскоре Анатолия вновь призвали в армию и направили во Владивосток, а я должна была к нему поехать после того, как сдам выпускные экзамены и получу диплом. Я уже готовилась к отъезду, но когда пошла за дипломом (их выдавали почему-то несколько позднее), мне сказали: «А что вы не являетесь в институт, вы рекомендованы в аспирантскую группу». Я была крайне удивлена, но оказывается, мой преподаватель Сергей Федорович Елеонский²², очень мною довольный, в частности моей курсовой работой «Элементы фольклора в пьесе Островского «Снегурочка»», рекомендовал меня к поступлению. Надо было решать, что делать. Я позвонила мужу во Владивосток, мы поговорили, и он сказал: «Такой возможности тебе больше не представится, даже думать нечего, сдавай экзамены». Я сдала и благополучно поступила в аспирантуру. Первое время я думала, чем мне заняться, а потом мой давний знакомый литературовед Семен Моисеевич Брейтбург, посоветовал заняться А.В. Сухово-Кобылиным: «Тема совершенно не разработана. Вы можете многое сделать». Елеонский, который продолжал быть моим руководителем, тему одобрил и сказал, что надо идти в архив литературы и искусства²³, где есть материалы Сухово-Кобылина²⁴. И вот тогда я впервые встретила с архивом, пройдя работать по теме диссертации. Меня провели в читальный зал, тогда архив размещался в чужом здании – в том, что занимал архив материалов, вывезенных во время войны, так называемый Особый архив²⁵. Там и находились поступившие из бывшего литературного музея материалы литературы и искусства.

Меня встретили очень приветливо, я ознакомилась с архивом Сухово-Кобылина, действительно, о нем было мало сведений. Пожалуй, много о нем написал Леонид Петрович Гроссман в своей книге «Сухово-Кобылин»²⁶, утверждавший, что драматург был убийцей своей любовницы Луизы Симон-Деманш. Он любил такие темы и блестяще с ними справлялся. И вот я взялась за дневники Сухово-Кобылина, чтобы как-то разобраться самой во всей этой сложной истории. Кроме монографии Гроссмана была еще книжка другого исследователя, который доказывал обратное, – Александр Васильевич не виновен²⁷. Все это меня очень заинтересовало. Архив дал мне возможность, и я стала работать над дневниками, которые, по-моему, пока до этого никто не разбирал, ввиду крайней сложности его подчерка. Посидев над этим года полтора и написав свою диссертацию, я пришла к выводу, что Сухово-Кобылин все-таки своей любовницы не убивал. Она, как следовало по всем материалам, которые я проанализировала, кроме дневников самого драматурга, была убита своими крепостными слугами, которых возмущало, что какая-то француженка, любовница их господина, так себя грубо с ними вела. Они ее убили и вывезли труп куда-то к Ваганьковскому кладбищу, после чего состоялся суд²⁸.

Я довольно успешно защитила диссертацию и сразу выехала к мужу во Владивосток, оставив нашу дочь в семье старшей сестры мужа и матери. До Владивостока добралась благополучно, у меня было назначение во Владивостокский пединститут²⁹. Приехала я туда и поступила на работу в январе 1952 г., была преподавателем. В 1953 г. меня сделали завкафедрой, а в 1956 г. я уехала из Владивостока. В пединституте ввновь столкнулась с людьми, пострадавшими от репрессий. Там было несколько преподавателей, одна из Прибалтики – Лидия Ивановна Мете, явно не русская, другая – Анна Васильевна Удавцова из Ленинграда, у которых мужа были репрессированы, но они там жили и работали. Причем Лидия Ивановна была даже секретарем парторганизации, а Анна Васильевна – завкафедрой педагогики. Это были очень интересные люди, которые, однако, сразу же потребовали, чтобы я тоже вступила в партию, причем меня рекомендовали как раз эти две женщины.

Я боялась становиться завкафедрой. Мой предшественник был весьма принципиальным, кстати, его сестра работала в Москве в цирке укротительницей тигров. И мои коллеги говорили, куда ей до брата. Он действительно оказался человеком удивительным, они с женой не имели детей и взяли на воспитание троих из детского дома и их растили. Поэтому он кое-как согласившись на полгода остаться завкафедрой, твердо отказался в дальнейшем исполнять эти обязанности, и уже на первый семестр следующего года назначили меня. Я там работала, по-видимому, хорошо, потому что к концу моего пребывания институт подал соответствующие бумаги на присуждение мне ученого звания доцента. Читала я курс литературы XVIII и XIX вв. Кроме этого, самостоятельно разработала курс критики и журналистики, которого вообще не существовало, и он шел как спецкурс. И, конечно, когда мужа демобилизовали и он раньше меня вернулся в Москву, то я поехала вслед за ним.

В Москве я столкнулась с тем, что найти работу в Педагогическом институте было очень сложно, заявки на кадры отсутствовали. В школу идти после такой

А

работы мне не хотелось. Я подумала, что надо продолжить научные изыскания. Все-таки материалы архива еще мною не исследованные, в том числе по Сухово-Кобылину, привлекали меня, и я пошла опять в архив. Он по-прежнему находился в том же здании, но намечался переезд в соседнее. Я зашла к директору³⁰, написала заявление и меня как кандидата наук должны были допустить к работе без официального отношения. Такие были тогда порядки. Когда я зашла подписать к нему отношение, мы разговорились. Он пришел в архив недавно из ЦК в связи с событиями, которые происходили тогда³¹, и вдруг сказал:

- А почему бы вам не поработать у нас?
- Я же не специалист, – говорю я.
- Как не специалист? Вы же кандидат филологических наук.
- Да, – отвечаю. – Я тоже стала думать, почему бы не попробовать.
- Конечно, старшего научного сотрудника я вам предложить не буду, а вот

в марте мой заместитель уходит на пенсию и тогда мы вас возьмем сразу на зам-начальника архива. Только вам придется поступить на военную службу.

- Понятно, – говорю. Вот это меня уж очень смутило.

– Ну, ничего. Архив входит в систему МВД и поэтому все руководство должно иметь воинское звание.

- А все-таки, может быть, я пока у вас поработаю не в воинском звании?

– Да, пожалуйста! Я хоть сейчас вас могу назначить старшим научным сотрудником, но зарплата очень небольшая. Он назвал; конечно, это была 1/4, если не 1/5 того, что я получала во Владивостоке. Но там платили еще за секретность, дальность и т.д. Я подумала, ходить снова, искать, к тому же если уж работать, все-таки лучше в коллективе. Я сказала: «Меня не смущает зарплата, когда вы можете меня оформить?» И буквально на следующей неделе начались мои трудовые будни в архиве. По-моему, мы тогда получали 89 руб. Меня сразу посадили на работу по рассекречиванию фондов и дали Пролеткульт. Конечно, само название «Пролеткульт» мне кое-что говорило. Я его встречала среди таких организаций, которые считались вредными и потом разоблаченными. Попросила объяснить, что мне надо тут смотреть, и взялась за просмотр. Здесь опять был смешной случай, который помог мне как-то определиться в архиве. Еще до меня в архив поступила тоже кандидат филологических наук, приехавшая из Саратова. Она была аспиранткой профессора Оксмана. Потом, когда я уже работала, я поняла, что это за человек. Мне она говорила, мол «чем тут заниматься, здесь ни одного кандидата нет». Держала себя, как человек много выше остальных сотрудников.

Я целиком погрузилась в работу, сидела в комнате вместе с Кириленко³², Коршуновой³³ и Ситковецкой³⁴ – все это люди, близкие мне по духу, хотя, может быть, только одна из них жива. Это действительно выдающиеся сотрудники среди тех, кто тогда работал в архиве. И они сразу взяли меня под свою опеку, объясняли мне, когда я спрашивала. И я сидела, не поднимая головы, выходя только раз в обеденный перерыв. Когда архивисты выпустили майскую стенгазету, там среди прочих материалов, было и такое выражение: «Кандидат кандидату рознь». И я поняла, что коллектив меня принял. В марте следующего года я была зачислена на должность заместителя начальника архива, проведена приказом по Главархиву, словом, заняла свое место.

Первой работой, которую мне поручили, была организация переезда архива из одного здания в другое. К тому времени я уже немного знала коллектив и могла распределить по физическим возможностям, кому какую работу поручить. Кроме того, мы сделали техническое изобретение, в этом мне помог заведующий хозяйством архива. Мы натянули канатную дорожку между двумя архивами, подвесили большую корзину, в которую помещались коробки с материалами, и протянули ее на высоте второго этажа, таким образом можно было сразу из одного хранилища в другое перемещать материалы. Это очень облегчало работу, не надо было пользоваться лифтами и, главное, материалы попадали туда, куда нужно. Вот эта была моя первая работа, выполненная в архиве.

РГАФД. Воспоминания Н.Б. Волковой. 2014. 28 мая. Звукозапись.

¹ Имеются в виду Московские высшие женские курсы (МВЖК), основанные в 1872 г. и существовавшие до 1888 г. как курсы профессора Герье, а в 1900–1918 гг. как МВЖК.

² Зенкевич Лев Александрович (1889–1970) – зоолог, гидробиолог, океанолог, профессор, заведующий кафедрой МГУ (1930–1970 гг.), лабораторией Института океанологии АН СССР (1948–1970 гг.), действительный член АН СССР (1968 г.), лауреат Государственной (1951 г.) и Ленинской (1965 г.) премий, один из основателей Плавучего морского научного института на судах «Персей» (1930-е гг.), «Витязь» (1949–1969 гг.) и др.

³ Брейтбург Абрам Моисеевич (1896–1960) – врач, биохимик и физиолог питания, автор монографии «Рациональное питание» (1957 г.), учебников «Биологическая химия» (1953, 1959 гг.) и «Физиология питания» (1959, 1961 гг.).

⁴ Брейтбург Семен Моисеевич (при рожд. Симон; 1897–1970) – литературовед, книговед и журналист, профессор МГУ, изучал творчество Л.Н. Толстого.

⁵ Лаубе Генрих Янович (псевд. Андрей Гончаров; 1924–1996) – актер театра и кино, артист разговорного жанра, заслуженный артист РСФСР (1962 г.), племянник и воспитанник театрального режиссера, актера театра и кино, народного артиста РСФСР И.Я. Судакова (1890–1969), сын его сестры Анастасии (Анны) Судаковой (Лаубе) (1900–1974).

⁶ Речь идет о В.В. Осипове (1879–1942).

⁷ Бонди Сергей Михайлович (1891–1983) – литературовед, текстолог, пушкинист, доктор филологических наук (1943 г.), профессор МГУ (1950 г.). В 1941–1950 гг. преподаватель Московского педагогического института (МГПИ) им. В.П. Потемкина, затем МГУ и Литинститута.

⁸ Водовозов Николай Васильевич (1902–1977) – специалист по древнерусской литературе, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета МГПИ им. В.П. Потемкина.

⁹ Тагер Евгений Борисович (1906–1984) – литературовед, доктор филологических наук (1966 г.). Сотрудник Института мировой литературы АН СССР. Автор работ о М. Горьком, русской литературе XX в.

¹⁰ Цейтлин Наум Ефимович (1908–2003) – педагог, один из организаторов Московского дворца пионеров, заведовал отделом технического творчества, доцент МГПИ им. В.П. Потемкина, специалист по методике трудового обучения в школе.

¹¹ Журавковский Геннадий Евгеньевич (1894–1955) – ученый-педагог, профессор (1939 г.), член-корр. АПН РСФСР (1945 г.), общественный деятель, заведовал кафедрой в МГПИ им. В.П. Потемкина, участник создания АПН РСФСР.

¹² Реформатский Александр Александрович (1900–1978) – лингвист, доктор филологических наук (1962 г.), профессор (с 1962 г.), один из представителей московской фонологической школы. Специалист по фонологии, транскрипции, семиотике, терми-

нологии и истории лингвистики. Автор классического учебника «Введение в языковедение» (1947 г.).

¹³ Зайончковский Петр Андреевич (1904–1983) – историк, источниковед, археограф, доктор исторических наук (1950 г.), профессор. В 1944–1952 гг. заведующий Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. С 1951 г. профессор МГУ и директор научной библиотеки университета.

¹⁴ Викторов Сергей Павлович (1916–1977) – художник, живописец, мастер портретов, исторических композиций, пейзажа, член Общества «Студия военных художников им. М.Б. Грекова».

¹⁵ Житомирская Сарра Владимировна (1916–2002) – историк-архивист, редактор, с 1945 г. сотрудник, с 1952 г. заведующая Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Кандидат исторических наук (1945 г.). Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

¹⁶ Рец.: *Елпатьевский Е.В.* Житомирская С.В. Просто жизнь. М., 2006 // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 124–127.

¹⁷ Коллектив Отдела рукописей обвинялся в пропаже «части материалов к «Мастеру и Маргарите», переданных туда Е.С. Булгаковой в 1966–1967 гг.». Однако анализ акта продажи, описей и текста произведения позволил М.О. Чудаковой, «сличив при научном описании архива оба эти текста с полным печатным текстом романа», прийти к выводу, «что должна была существовать еще одна тетрадь (или отдельные листы) с вариантами, вошедшими в окончательный текст, но отсутствующими и в исправлениях машинописного экземпляра, и в тетради 10.1». Исследование так же показало, что «Отделу рукописей такая тетрадь... никогда не предлагалась и туда не поступала». (См.: *Житомирская С.В.* Еще раз об архиве М.А. Булгакова // НЛО. 2003. № 63.)

¹⁸ Зими́на Валенти́на Григо́рьевна (1923–2013) – кандидат исторических наук (1956 г.), заведующая сектором обработки архивных фондов, заместитель заведующей Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Специалист по русской истории XIX в., жена А.А. Зими́на.

¹⁹ Исбах Александр Абрамович (наст. фам и имя. Бахрах Исаак Абрамович; 1904–1977) – писатель, литературовед, кандидат филологических наук, профессор МГПИ им. В.П. Потемкина. Участник Великой Отечественной войны. В 1949 г. арестован, приговорен к 10 годам лагерей, освобожден в 1954 г., реабилитирован в 1955 г.

²⁰ Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) – литературовед, писатель и театральный критик, доктор филологических наук. С 1921 г. преподавал теорию и историю литературы в московских институтах, с 1945 г. профессор МГПИ им. В.П. Потемкина.

²¹ Имеется в виду постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятое 14 августа 1946 г. (Правда. 1946. 21 августа). В нем ЦК ВКП(б) отмечал, «что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы, ведутся совершенно неудовлетворительно, много безыдейных, идеологически вредных произведений», в частности М.М. Зощенко, А.А. Ахматовой и др. Издание журнала «Ленинград» было прекращено, а журнал «Звезда» подлежал коренному улучшению. В 1988 г. постановление признано ошибочным и отменено (Изв. ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 45).

²² Елеонский Сергей Федорович (1891–1960) – литературовед и педагог. С 1946 г. профессор МГПИ им. В.П. Потемкина. Основные работы посвящены проблемам истории русской литературы XVII – XIX вв., соотношения литературы и фольклора.

²³ Центральный государственный литературный архив (ЦГЛА) СССР основан в 1941 г. на базе собрания Государственного литературного музея.

²⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1–2 (362 ед. хр. за 1813–1936 гг.).

²⁵ Имеется в виду Центральный государственный Особый архив (ЦГОА) СССР, основанный в 1946 г., в 1992 г. преобразован в Центр хранения историко-документальных

коллекций (ЦХИДК), в 1999 г. вошел в состав Российского государственного военного архива.

²⁶ См.: *Гроссман Л.П.* Преступление Сухово-Кобылина. М., 1927; 2-е изд., доп. Л., 1928.

²⁷ Речь идет о Гроссмане Викторе Азриэлевиче – писателе, адвокате по профессии. См.: *Гроссман В.А.* Дело Сухово-Кобылина. М., 1936.

²⁸ См.: «Странная судьба» (Из дневника А.В. Сухово-Кобылина) / Публ. Н.Б. Волковой // Встречи с прошлым: сб. материалов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. 3-е изд. М., 1986. Вып. 3. С. 19–46.

²⁹ В 1940 г. на базе Владивостокского педтехникума был образован Владивостокский учительский институт, который в 1943 г. преобразован во Владивостокский педагогический институт, вошедший в 1956 г. в состав Дальневосточного государственного университета.

³⁰ Директором архива в тот период являлся Родионов Николай Иванович.

³¹ После XX съезда КПСС Совет министров СССР принял 7 февраля 1956 г. постановление «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств», потребовавшее от архивов перестройки работы, в том числе либерализации доступа к архивным документам. (См.: Информ. бюл. ГАУ МВД СССР. 1956. № 1. С. 3–5; *Павлова Т.Ф.* Доступ к архивным документам в период хрущевской «оттепели» (вторая половина 1950-х гг.) // Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 13–25.)

³² Кириленко Ксения Николаевна (урожд. Сысоева, 1922–2002) – театровед, архивист; в ЦГЛА–ЦГАЛИ–РГАЛИ с 1945 по 1997 г.; в 1963–1986 гг. заведомо публикации документов.

³³ Коршунова Валентина Павловна (1927–1994) – архивист, специалист по русской литературе и культуре XX в.; в ЦГАЛИ–РГАЛИ с 1954 по 1994 г., в том числе в отделе публикации документов; в 1979–1994 гг. главный хранитель фондов архива.

³⁴ Ситковецкая Майя Михайловна (р. 1930) – архивист, библиограф, историк русской литературы и театра XX в.; в ЦГАЛИ с 1954 г., в том числе младшим, затем старшим научным сотрудником отдела публикации документов; в 1965–1987 гг. заведомо использования документов.